

Генри Стил Олкотт

АСКЕТИЗМ

Слово дружеского совета от Х. С. Олкотта

Один хатха-йог, который потратил пятьдесят семь лет на аскетические подвиги, тем не менее спросил меня — меня, американца, недостойного вытереть ноги истинному раджа-йогу — как же всё-таки управлять умом? Нет среди стремящихся к высокому знанию более распространённого заблуждения, чем представление, что цель с достаточной уверенностью может быть достигнута физиологическими ограничениями. Преобладающее у них представление таково, что изнурение тела, регулирование диеты, длительный курс преданного поклонения, и заполнение своего ума сведениями из книг приведёт кандидата к порогу джняны, если не переведёт через него. Таков был мотив, двигавший пустынноиками раннего христианства, столпниками, лесными и пещерными отшельниками всех наций; и до сих пор он одинаково правит католическим монахом и монахиней, мусульманским факиром и индусским аскетом. Самоистязания, которым подвергают себя последние, превосходят всякое воображение западного человека. Это низшая йога, или хатха-йога, и её гимнастические практики иногда бывают ужасны и отвратительны. Они поддерживались на протяжении столетий, и в наше время эти пытки — такие же, как были и в древности — и столь же бесплодные. Способности таких аскетов, как сказано в Лалита—виштара, "трепещут в пасти крокодила их чувственных желаний". Некоторые из их аскез перечисляют следующим образом: "Глупые люди пытаются очистить свои личности разными строгостями и внушают их другим. Одни воздерживаются от рыбы и мяса, а другие — от алкогольных и хмельных напитков. Некоторые живут на клубнях, плодах, мхах, траве куса, листьях, пшеничной каше, твороге, очищенном масле и сыром тесте. Некоторые пытаются достичь величия, расположившись где-нибудь в тишине, с подогнутыми по себя ногами. Некоторые едят раз в день, некоторые через день, а некоторые и через четыре, пять, или шесть дней. Некоторые носят много одежд, некоторые ходят голыми. Некоторые носят длинные волосы, ногти, бороды, не расчёсывают волосы и одеваются в кору. Некоторые носят с собой различные талисманы, и этими средствами они надеются достичь бессмертия, и сами гордятся своей святостью. Вдыхая дым или огонь, уставившись на солнце, совершая практику пяти огней [то есть, ложась неприкрыто под палящим солнцем, и окружая себя пятью кострами], стоя на одной ноге, с постоянно поднятой рукой, или перемещаясь на коленях, они пытаются совершить своё подвижничество... Все они следуют неверной дорогой; они воображают, что ложная опора истинна, принимают вред за пользу и нечистое за чистое." (Подробности см. в "Афоризмах йоги Патанджали" Раджендралалы Митры, и в его же "Буддха Гая", с.24 и далее). Читатели моих собственных сочинений могут вспомнить, как однажды я встретил в Мраморных Скалах, на реке Нербудда, хатха-йога, который провел пятьдесят семь лет в строгих аскезах, включая прадакшану, или полный обход святынь, раз в каждые три года на протяжении всех этих лет, и всё же спросил меня — американца, недостойного вытереть ноги истинному раджа-йогу — как же всё-таки управлять умом? Я сказал этому бедняге, как делать это, как сообщу и моим читателям, и если они желают подтверждения, им нужно лишь прочесть учения

любого великого духовного лидера, которого когда-либо давало древо человечества.

Никто даже не догадывается, как трудна задача самоподчинения, покорения страстей и appetитов, освобождения Высшего Я, заключённого в плоти, пока не попробует это сам. Всякая такая борьба — трагедия, полная самых болезненных проявлений и вызывающая сочувствие в сердцах "добрых людей и ангелов". Именно это имел в виду Иисус, когда сказал, что "на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии". И всё же сколь жестоко немилосерден обычно мир — мир скрытых грешников и респектабельных, неразоблачённых лицемеров — к неудаче бедной души в её подъёме на духовные высоты, случившейся из-за того, что запас её силы воли в критический момент оказался недостаточным. Как эти нераскрытые лицемеры свысока осуждают побежденного, который по крайней мере сделал то, что многие из них и не пытались — храбро боролся за божественную награду. Как важно выступают они в своей воображаемой неуязвимости, подобно уличным проповедникам-фарисеям из Иерусалима, благодаря судьбу за то, что их личные грехи всё ещё скрываются, и удваивая свои молитвы, свои позы, своё морализаторство и свои посты, дабы обмануть ближнего и себя самих! "И усмеялся дьявол, ибо любимый его грех — гордыня под маской смирения". У Шекспира подобный человек говорит: "Так я прикрываю свою подлость старыми обрывками, вырванными из святого писания, и кажусь святым, когда делаю самые дьявольские дела".

Целью всего проповеднического труда, взятого на себя Иисусом, было показать, что пока сердце и ум не очищены, все внешние формы и церемонии — лишь раскрашивание гробов. Той же была и цель проповеди его великолепного предшественника, Будды, который в особенности осуждал всевозможные формы лицемерия, духовной гордыни и самообольщения. Он сам начинал свою подготовку к будущей борьбе с Марой с изучения и практики всех систем хатха-йоги, и обнаружил их бесполезность в качестве средств освобождения. **Лишь чистое сердце и ясный ум позволят достичь спасения** — таково было его учение. Так учит и Махабхарата (см. Вана Парва, СХСІХ) которая говорит:

"Те высокодуховные люди, которые не совершают грехов словом, делом, сердцем и душой, называются настоящими подвижниками, а не те, кто растрчивает свои тела и заставляет их страдать, изнуряя их постами и аскезами. Тот, у кого нет никаких добрых чувств к родственникам, не может быть свободен от греха, даже если его тело будет чистым. Это жестокосердие — враг его аскетизма. Аскетизм — не просто воздержание от удовольствий мира. Кто же всегда чист и украшен добродетелями, практикует доброту на протяжении всей своей жизни — тот и есть муни, даже если он ведёт семейную жизнь."

Теософическое Общество представляет собой нечто вроде поля битвы, усыпанного духовными воинами, которые сами себя погубили. Мнимые челы громоздятся там друг на друге, как кирпичи в кладке. Некоторые из них, кто не смог спокойно принять неудачу и честно проследить её к истинной причине — переоценке своих нравственных сил — обратились, чтобы растерзать Е. П. Б. и тех, кто выше её. На днях я читал журнал "Path" и наткнулся на её замечательную

статью "Теософические махатмы". Она была вызвана глупым заявлением одной истеричной женщины в Америке и ещё одного человека, которые не сумели стать адептами и обратились "с кровоточащими ногами и поверженным духом" ... к Иисусу! Как атакованная львица презрела их; как ясно она определила то, что может, а что не может привести стремящегося в духовную близость со Скрытыми Мудрецами! К неудовлетворённым она обращает такой вопрос:

"А исполнили ли вы свои обязательства и обеты? Вы, которые охотно возложили бы всю вину на Общество и его Учителей, являющих воплощение милосердия, терпимости, справедливости и вселенской любви — вели ли вы требуемую жизнь, и соблюдали ли вы все условия, предъявляемые к кандидатам? Пусть тот, кто чувствует в своем сердце и своей совести, что он ни разу не терпел неудачи, никогда не сомневался в мудрости своего учителя, никогда не искал других учителей в нетерпении стать оккультистом, обладающим силами, а также никогда не изменял — в помыслах или на деле — своему долгу теософа — пусть тот восстанет и протестует. ... Мне известно, что за одиннадцать лет существования Теософического Общества из семидесяти двух чел, принятых на испытание, и сотен мирских кандидатов, лишь трое до сих пор не провалились, и лишь один достиг полного успеха. ... А что говорить об Обществе в целом, за пределами Индии? Кто из многих тысяч его членов ведет должную жизнь? Может быть, так скажет кто-нибудь, потому что он строгий вегетарианец (но таковы ведь и слоны с коровами) или тот, кто соблюдает безбрачие после бурной молодости, проведенной совсем иначе, считая себя теософом, живущим согласно духу Учителей? Но как не капюшон делает человека монахом, так и длинных волос с поэтическим выражением лица недостаточно, чтобы превратить кого-либо в последователя божественной мудрости." Далее она описывает членов общества, как они видятся проницательному взгляду: злословящими, клеветящими, немилосердными, воинственными критиканами, погрязшими во взаимных упрёках.

Однажды в Бомбее я получил горький укор от Учителя, когда под каким-то предлогом поколебался принять в члены искреннего человека, который преследовался христианскими фанатиками, и даже был посажен ими в тюрьму. Учитель предложил мне посмотреть на всю команду моих коллег и убедиться, что несмотря на избыток благих намерений, 9/10 из них были тайными грешниками по причине слабых нравственных сил. Это был для меня урок на всю жизнь, и с тех пор я удерживаюсь от того, чтобы плохо думать о своих ближних, которые ничуть не более слабы и несовершенны, чем я сам, и которые, если и не смогли взобраться на гору, то по крайней мере, оступаясь, искренне стремятся продвигаться вперед, как и я. Много лет назад, когда мы впервые прибыли в Бомбей, Блаватская сказала мне, что махатмы показали ей созданные в астральном свете психические отражения тогдашних индийских членов Теософического Общества. Она предложила мне угадать, чей же образ был самым ярким. Я упомянул молодого парса из Бомбея, который был тогда особенно активным и преданным членом. Она сказала, смеясь, что он напротив не был ярким вообще, а самым ярким в нравственном отношении был бедный бенгальский джентльмен, который любил выпить. Парс впоследствии покинул нас и стал нашим активным противником, а бенгалец исправился, и теперь — благочестивый аскет! Она

объяснила тогда, что множество порочных привычек и чувственных пристрастий часто затрагивают лишь физическое я, не оставляя глубоких постоянных отметин на внутреннем Я. В таких случаях духовная природа бывает столь энергична, что после краткой борьбы отбрасывает эти внешние наросты. Но если поощрять вредные привычки и упорствовать в них, они в конце концов преодолевают силу сопротивления души, и весь человек разлагается. Некоторые тантрики, индийские и европейские, проповедовали злополучную доктрину, состоящую в том, что оккультный стремящийся может лучше всего убить желания, удовлетворяя их и истощая. Намеренное удовлетворение похоти, гордости, жадности, честолюбия, ненависти, или гнева равно опасно для психики, и принципиально отличается от эпизодического впадения в один из этих грехов из-за недостаточной подготовленности или просто из-за нравственной слабости. Оправиться от последнего всегда возможно, и это может оказаться даже сравнительно легко для тех, кто обладает достаточной нравственной силой, но преднамеренное потакание порокам неизбежно ведет к моральной деградации и падению в самые глубины. Ведь говорит "Голос Безмолвия":

"Не верь, что вождение можно уничтожить, если питаешь и удовлетворяешь его — ведь это отвратительная ложь, внушаемая Марой. Именно питанием порока ширится и разрастается в силу, как червь, жиреющий в сердце цветка."

Я вспоминаю ещё один случай. Давно, в ранние дни существования нашего Общества, один теософ наложил на себя обет безбрачия и желал быть принятым в качестве чела. Некоторое время он держался, но потом потерпел неудачу — плотский аппетит был слишком силён. Человек надолго, фактически на годы, выпал из активной работы Общества, но наконец, собрался и предпринял новую попытку. Ему было сказано, что и пятьдесят неудач не лишают шанса, и успех возможен даже за час до кончины. В "Голосе Безмолвия" мы читаем следующее слово ободрения:

"Приготовься и остерегайся вовремя. Если ты пытался и потерпел неудачу, о отважный боец, не теряй смелости: борись дальше и возобновляй попытки снова и снова."

Этот молодой теософ, снова вернувшись к борьбе, победил, и сегодня он — один из наиболее уважаемых членов нашего Общества.

Некоторые западные читатели знакомы с историей из Махабхараты, повествующей о падении могущественного риши Вишвамитры из-за плотской страсти. Этот адепт из адептов и великий йог обладал столь огромной духовной силой, приобретённой благодаря столетиям аскетических подвигов, что заставил самого Индру пошатнуться на своём небесном троне, из-за чего Индра пожелал унижить его, и посоветовался с Менакой, первой из небесных певиц, как этого добиться. Прекрасная, стройная Менака, согласно этому плану, предстала перед Вишвамитрой в его отшельническом убежище во всём своём соблазнительном очаровании, но притворилась, что испугалась его и решила убежать. Но услужливый Марута, бог ветра, внезапно послал ветерок, сорвавший с неё одежду и открывший все её прелести поражённому взгляду риши. Сексуальное желание, которое долгое время легко удавалось подавлять из-за отсутствия искушения,

сразу же возгорелось, и он позвал её к себе, взял в жёны, и плодом этого союза стала прекраснейшая дочь Сакунтала.

"Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть" — таково было предупреждение Назарянина. Он также сказал и другую вещь, которую хорошо бы всегда помнить читателю, держа её в качестве бдительной сторожевой собаки на пороге своего сознания: "Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким и будете судимы".

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

